

РАССКАЗЫ
Анатолия А.Петунина, г.Сыктывкар

«Труби, охотник, в звонкую трубу,
Веди свою бесхитростную ноту,
Мы сами выбрали свою судьбу –
Друзей, собак, свободу и охоту»

Ф. Филимонов

Добудь, добудь, добудь!

В тот год осень явно задержалась. На начало ноября погода стояла слякотная, в лесу было сыро, ветрено и холодно. В такую погоду зайцы предпочитали сидеть под корягами или под густыми ёлками и совершенно не желали подниматься, их приходилось буквально вытаптывать и выгонять из укрытий. По такой сырости гончим работать было тяжело, да и мы ходили злыми и промокшими, что называется – без подъема. Оставалось ждать белой тропы.

Наконец метеорологи с нескольких раз угадали и предсказали изменение погоды. Снег обильно выпал в начале недели и потом ежедневно к вечеру снегопад возобновлялся, а утром под солнцем искрился свежей белизной, на которой четко различались вечерние и утренние следы.

Наши души просто рвались на охоту! Был брошен, кличь, и начались сборы. Оставшиеся дни мы созванивались, договаривались и строили планы на выходные. Количество потенциальных участников предстоящей охоты практически ежедневно менялось: то возникали проблемы с машинами, то с собаками, то с женами. Проблемы с транспортом и здоровьем собак признавались убедительными, всё остальное решительно отменялось. В пятницу вечером окончательный состав бригады был одобрен и утвержден но, тем не менее, полной ясности ещё не было, поэтому решили, что утро вечера мудренее.

И вот наступило это самое долгожданное утро. Утром выяснилось, что мы несколько перемудрили с количеством участников и транспортных средств: собралось семь охотников, три «Нивы» и три эстонские гончие. Эстонки были прямыми родственниками: осенистая выжловка предпенсионного возраста - Альма, её дочь - Веста находящаяся в полном расцвете сил, и молодая дочь Весты - Ада. Компания охотников подобралась разношерстная: гончатниками были Володя и я, Евгений и Доктор были универсалами, был владелец лайки, был один умудренный (по - видимому браконьерским) опытом Охотник и был начинающий охотник, которого тут же окрестили Молодым.

Альма и Веста жили у меня в квартире на правах членов семьи, Аду я помогал натаскивать со щенячьего возраста, а в дальнейшем мы с её хозяином Володей часто охотились вместе, короче собаки прекрасно знали друг друга и вместе хорошо работали.

Вся компания быстро разместилась по машинам и на предельной скорости выехали на Максаковский зимник в сторону Веселовки. Дорога для лесовозов была достаточно приличная, ну а мы держали скорость не более 40-50 км/час, быстрее не получалось: стучали зубы, по салонам машин начинали летать рюкзаки, валенки и прочая амуниция, да и собаки, быстро устав выписывать носами узоры на стеклах, стали возмущаться.

В лес приехали затемно, при свете фар с трудом развернулись на крохотной полянке, при этом Евгений долго крутил свою машину то вперёд, то назад и, наконец, остановил её в самом неудобном положении. – Ну и чего ты этими выкрутасами добился? - практически хором спросили мы - как теперь остальным выезжать?

- А капот выравнивал, - последовал ответ. - Ну и на х... ты его выравнивал? – раздраженно продолжил хор. - А чтобы бутылка на капоте стояла ровно, - победно заявил он! - Какая бутылка, мы же на охоту приехали, а не на пикник - водку пить. - Так одно другому не мешает...- Хватит болтать! - зная настырность Евгения, - заорал я. - Ни слова про водку!

- Хорошо, будем пить только чай, - неохотно согласился он, и все полезли за припасами.

Порывшись в рюкзаке, Охотник заявил, что у него возникла проблема с яйцами. - С чьими? – сразу оживилась публика. – Всё-то вам ха-ха, а яйца сварены всмятку, и если их сейчас же не съесть, то они замёрзнут и эта яичница останется только собакам, - не пропадать же добру! Газету расстелили на капоте машины, разложили продукты, достали термосы и охотники приступили к раннему завтраку.

Посыпая солью раздавленное яйцо, Доктор заявил, что излишнее потребление соли способствует увеличению риска возникновения сердечно-сосудистых заболеваний.

– И это правильно, - подхватил Лайчатник. - Сахар и соль это - белая смерть, а лес и водка – зелёный друг! Столь неожиданное сравнение вызвало у публики живой интерес и активное обсуждение, которое незаметно вылилось в предложение все-таки пропустить по глоточку...

На капот машины была выложена уже соответствующая предложению закуска в виде головок лука и солёных огурцов. Немедленно послышались вопли собак, которые внимательно следили из машин за всем происходящим. Молодой охотник опрометчиво пытался разьяснить им, что в лесу ещё темновато, и если они сразу поднимут зайца, то его будет плохо видно, а по сему нам можно спокойно закончить завтрак, - продолжил он, просовывая собакам в машины по кусочку колбасы.

У собак такое заявление вызвало активный протест, выразившийся в завываниях на разные голоса, колбаса подействовала только на краткий миг, а вопли усилились. Мне пришлось достать из рюкзака «боевые ошейники» с красными лентами, колокольчиками и бубенцами, надеть на своих любимиц и выпустить их из машины. Моему примеру последовал Володя и вот тройка, оглашая лес колокольным звоном, рванулась в ельник под наши одобрительные крики.

- А чего вы их, как клоунов, нарядили? - спросил Лайчатник. - Да вот надеемся, что это как-то защитит их от волков – признался я.

- Всё это ерунда, последовало пессимистическое заявление, ваши колокольчики волки потом просто выплёвывают. - И красные ленты тоже не помогут, - продолжил он, вон прапорщики из Верхнего Чова на одного кобеля попону сшили из полкового знамени, а что толку? – Сожрали его вместе со знаменем. - Ну, это у лаек – кобели, а у гончих – выжлецы, - вступились мы за своих гончих. – А волкам по-фигу, выжлец или кобель – сожрут за милую душу! - Вот говорят, гильзы с горелым чёрным порошком вроде помогают.

- Кончайте дискуссию, - донеслось из леса, у ваших тёток зайцометры зашкаливают! - Что это он такое сказал, - на бегу спросил Молодой охотник, какие такие зайцометры? Да это Евгений, как технарь, в шутку про хвосты наших собак так говорит, гоны – по-нашему называются, видимо выжловки натекли на жировку. От таких разъяснений у Молодого глаза вылезли на лоб и стали смотреть в разные стороны...

Да, язык гончатника для современного, и тем более, молодого охотника непонятен как, латынь, утрачиваем традиции, утрачиваем.

Первой подала голос Веста, к ней тут же присоединилась Ада, а когда высоким голосом залилась Альма, стало ясно, что зайца уже подняли и срочно надо разбежаться на номера. Заяц кружил вокруг лёжки, пытаюсь запутать собак в заснеженном лесу, но такие фокусы зайцам с этой троице удавались редко – собаки были в рабочем состоянии, полны сил и за своё мастерство имели полевые дипломы. Вытянувшись цепью вдоль леса, мы крутили головами в разные стороны, ожидая, что в любую секунду заяц может вылететь на дорожку.

Собачий визг и лай сливались в один многоголосый вопль, тем более что Ада и Альма имели подголосок, а Веста обладала двойным голосом с подголоском! Лес просто стонал, а заяц продолжал кружить на небольшом участке. Евгений стал энергично махать руками, привлекая моё внимание, я сразу понял, что он хочет попасть на подъём, и дал отмашку. Через минуту в лесу грохнул дуплет, а гон продолжался. Наступили самые напряженные минуты, в голове неслись мысли: промазал или попал, почему молчит, куда удрал заяц? Неожиданно гон прервался, а через секунду послышалась короткая грызня и победный вопль Альмы, уж она-то к добыче ни дочку, ни внучку не подпустит! И тут же из леса донеслось: – Доше-е-е-л!

Как Дед Мороз - с красным носом и в белом халате из-за ёлки вылез Евгений, волоча по снегу беляка за задние лапы, тут же появились три собачьи морды, которые пытались схватить зайца за уши, но это им никак не удалось - они здорово мешали друг другу, в результате заяц остался цел.

- Надо опазничать, - предложил я. – А как это? - спросил Молодой. Ему разъяснили, что пазанки - это заячьи лапы, которыми награждают собак за удачную охоту. - Так ноги же четыре, а собак три, как тут быть? - Есть еще и уши – успокоили мы Молодого, - всем хватит!

- Ну, с полем тебя, дорогой, - поздравили мы Евгения! Он с сияющим лицом принял заслуженные поздравления, и тут же напомнил, что охотничьи

традиции незыблемы и «на крови» следует принять чарку. - Или кто что имеет против традиций? Таковых не нашлось, и все дружно проследовали к машинам.

Мы хрустели солёными огурцами, гончие хрустели лапками, в лесу уже окончательно рассвело и розовые лучи солнца осветили гирлянды золотистых шишек на верхушках елей. - А красота то, какая! - радостно заорал Молодой.

- Ведь это златоперстый Феб коснулся верхушек деревьев! – продолжил он. - Эх его в поэзию понесло после первой стопки, - отозвался Охотник, - надо бы повторить...

- А я ведь видел зайца, - сообщил Молодой, он за ёлку спрятался, а собаки пробежали мимо. - Стрелять надо было, это же шумовой, - возмутился Доктор, тебя ведь инструктировали в дороге. - Да, инструктировали, - огрызнулся Молодой, сказали, что заяц бежит зигзагами и стрелять надо в зиг, когда заяц находится в заге; а еще всю дорогу про баб говорили – вот и весь инструктаж! Дружный хохот огласил лес, даже сороки испуганно затрещали.

- Показывай быстро, где твой заяц сидел, - потребовали мы с Володей. - Харчевню закрыть! - прозвучала боевая команда, и всем быстро полный вперед.

Собаки скрылись в лесу, и только по отдалённым звукам колокольчиков было понятно, что они следуют в заданном направлении. Пробежав метров двести, мы увидели, что через дорожку тянется свежий гонный заячий след, и тут же стали накликать собак.

- Вот он, вот он, во-о-о-т он! – понеслось над лесом. - Давай, давай, давай, поднимай, поднимай зайку! - А зачем так кричать? - удивился Молодой, ему стали объяснять, что это мы так порскаем. - А зачем порскают - продолжил он, ведь и так...

В этот момент гончие помкнули, залились и вылетели по следу эдакой звенящей, брнчащей и орущей на разные голоса тройкой. Заяц оказался мудрее, он заложил большой круг и на пределе слышимости водил собак минут сорок. За это время был проведен достаточно подробный инструктаж, расставлены стрелки на вероятных направлениях непредсказуемого заячьего пути с учетом их, стрелков, индивидуально опыта.

Гон шел где-то далеко, далеко, но вдруг неожиданно ударил выстрел, за ним ещё, и тишина. Все молчат, хотя были предупреждены, что надо дать сигнал – видимо промазали, и тут очередью грохнула пятизарядка Молодого и его вопль: - Готов! Затем: - Ушёл! Потом посыпались не нормативные выражения, а между тем гон продолжался...

Вдруг голоса гончих стали стремительно приближаться, заяц белым привидением мелькнул в густяке и пропал. Практически не мигая, всматриваюсь в ельничек, но там, ни какого движения, а собаки всё ближе и ближе, и вот уже у ёлок, а заяц как испарился. Перемолчка у ельника, вижу, как они перепыхивают снег, непрерывно фыркая, вдруг заяц свечкой взлетел над собаками и рванул мне в ноги, собаки с воплем за ним. Пришлось пропустить длинноухого и стрелять в угон.

С зайцем в рюкзаке спешу в сторону Молодого, а там разбор полётов в полном разгаре: кто смотрит след, кто изучает трассы дробовой очереди на снегу, кто размахивает руками, но все при этом ругаются, на чём свет стоит. Вид у Молодого - как у описавшегося пуделя, даже жалко, но собаки ткнулись носом в след, заголосили, рванулись в лес и сразу замолчали – заяц лежал в десяти шагах! Тут уже все с тем же пылом, как только что ругались, принялись поздравлять Молодого с полем, с первым зайцем, и кричали при этом, что с него причитается!

Развели костёр, выложили зайцев в ряд и стали фотографироваться. Время обеда, да и собакам надо передохнуть.

За импровизированным столом Молодому наперебой давали советы и разъяснения, он их внимательно слушал, а потом спросил: - А как надо правильно порскать?

И я вспомнил, как несколько лет назад на полевых испытаниях, которые судила бригада во главе с экспертом Всесоюзной категории Потехиным В.М. и экспертом Всероссийской категории Поповым В.А., моя Веста показала хорошую работу и заслужила лестную оценку голоса. Тогда возвращаясь из леса, мы беседовали о голосах эстонских гончих, и вдруг Владимир Михайлович спросил у меня: - А как Вы порскаете? Я, конечно, растерялся от такого вопроса заслуженного эксперта и изобразил: - Давай, давай, давай, поднимай, поднимай зайку!

– Да-а-а, с каким то сожалением протянул он, - понятно... У меня даже спина взмокла от волнения и растерянности - оказывается я что то не так делал! - А как надо? - спрашиваю сдавленным голосом. И вот выдержав театральную паузу, ну прямо по Станиславскому, он вдруг истошным голосом закричал: - Добудь, добудь, добудь, к лету новых на..буть!!!

Вся компания экспертов и владельцев гончих заржали так, что лес содрогнулся, а собаки с испугу завизжали. И такой хохот периодически повторялся весь день. Нашим охотникам рассказ так понравился, что все тут же наперебой стали кричать: - Добудь, добудь, добудь...! Собаки, задремавшие было у костерка, рванулись в лес, а за ними эхом неслось: - Добудь, добудь, добудь...!

День клонился к вечеру, все устали, но под новое порсканье добыли ещё нескольких беляков. Их надо было всех выпотрошить и поделить поровну: зайцев шесть, а стрелков семь. Зайцев разделявали, подвесив на сучках в трёх разных местах, под каждым зайцем сидела собака и с нетерпением ждала, когда ей перепадёт ухо, или кусочек лёгкого, или ещё чего. Проглотив кусок на лету, тут же отправлялась проверить другого зайца, под возмущенные вопли своих родственниц. Пришлось их сразу разогнать по машинам - что бы не дрались. И вот сидя в машинах, поскуливая, они уже через стекла сверкали глазами и ревностно считали разложенные на снегу порции.

Домой ехали уставшие, всех охватывала дремота, в том числе и водителей, их периодически толкали в спину, что бы не заснули за рулём, а те в отместку орал: - Добудь, добудь, добудь...! Собаки спросонья начинали лаять, а все остальные - хохотать.

Такими большими, трудно управляемыми компаниями на охоту давно уже не ездим, да и без водки стараемся обойтись, но, изредка встречаясь на охоте со старыми знакомыми, предаёмся воспоминаниям, и тогда звучит над лесом: - Добудь, добудь, добудь, к лету новых ...!

2005 год

* *
*

УТИНЫЕ СТРАСТИ

Часть I. Подготовка к охоте.

История эта имела место достаточно давно, участниками тех событий несколько позабылась и со временем стала обрастать всё новыми и новыми подробностями, поэтому, чтобы не обидеть, обозначим основных участников, как в старинных романах, по первой букве фамилии.

А дело было так:

Доктор Р пригласил меня принять участие в открытии осенней утиной охоты в местечке Озёл под «ёлкой», сказав, что будут еще наши коллеги по работе и местные товарищи по оружию. Перспектива охоты в новом месте и в новой компании меня одновременно обрадовала и несколько смутила, ведь я не знал и половины участников. Я поделился своими сомнениями, на что получил от Р легкую отповедь: «Что де пустяки все это, меня ты знаешь, доктора Б знаешь, его старую лайку Чару тоже знаешь, а с остальными там и познакомишься».

Услышав про Чару, я поинтересовался возможностью прихватить с собой мою эстонку Альму по тому, что дома оставить её было не с кем, да и погулять собаке на природе несколько дней совсем не мешает, на что получил благословение: «Да бери кого хочешь!»

Окончательно приободрившись, я решил, что возьму с собой и сына, которому по возрасту ружье доверять еще как бы рановато, но тащить рюкзачок с провизией было уже можно. Как-то на радостях я не проанализировал возможные последствия, что придется самому тащить и сына и его рюкзачок и собаку.

Дорога на охоту, со слов доктора Р, предстояла легкая: собираемся утром на пристани, грузимся на «Зарю», плывем, любимся природой, выгружаемся, пройдемся немного по берегу и на месте.

Раз все так просто, прихватчу-ка с собой надувную лодку для доставания подстреленных уток, решил я. Последовал вопрос: «А Альма на что?» Пришлось рассказывать о событиях прошлого года, когда Альма, будучи щенком, впервые увидела принесенных домой битых уток, как она их всех долго и тщательно обнюхивала, даже слизывала капельки крови с клювов, а затем отошла в угол и выложила все, что было у нее в желудке.

Вот и наступило долгожданное утро, все на берегу, охотников много, приветствия, знакомство и нас и наших собак. Настроение приподнятое, а «Зари» все нет и нет. Наконец судно прибывает, но к берегу почему-то не

причаливает, в конце концов, выясняется, что на этой посудине закончилась то ли солёнка, то ли пар, то ли водка и поэтому, нас они на борт не берут, а идут за тем, чего у них там кончилось.

Нагруженные как верблюды, мы добирались до автостанции и уже на автобусе поехали до места предполагаемой переправы. Часть компании решила форсировать реку на пароме, чтобы встретить нас на другом берегу. А мне с двумя отпрысками (моим и доктора Б), двумя уже начинающими бурно выяснять отношения собаками, двумя здоровенными и тяжелыми рюкзаками и двумя рюкзаками поменьше, предстояло переплыть достаточно широкую реку на 2-х местной надувной лодке. Ну, вот уже и лодка пригодилась.

Но переплыть надо было не просто, а в несколько этапов: от берега до бона, от бона до маленькой отмели и от отмели до другого берега. Если читатель помнит задачку о том, как перевезти на лодке козу, волка и кочан капусты, то в реальной жизни задача усложнилась: теперь надо было перевезти всю эту публику в три этапа!

На последнем этапе челночных перевозок собаки, устав грызться, и видимо договорившись, плюнули на все и самостоятельно выплыв на другой берег приступили к выполнению своих непосредственных функций, а именно: Чара поднялась к ёлкам и вскоре стала облаивать белку, эстонка же, подалась в ивняк на заячьи жировки. Как мы потом собирали собак, что при этом говорилось и оралось, кто кого и чего нес и тащил, и как, наконец, была сформирована пешая колонна, это тема отдельного рассказа.

К полудню мы уставшие, искушенные гнусом, с грязными перемазанными тиной, глиной и извалявшимися на какой-то вонючей дряни, собаками прибыли на живописный берег озерца Пурьевад под «ёлку». С разных сторон к ёлке подошли еще несколько членов нашей будущей компании, последовали радостные приветствия, познакомились, обменялись новостями и прогнозами на утиное поголовье.

Ёлка была высокая, разлапистая, под ней можно было смело переждать не сильный дождик и это успокаивало, ведь ночевать первую ночь планировалось именно здесь, поэтому палаток и не брали. Вещи были сгружены у ствола, и мы приступили к устройству бивака.

Собаки попытались принять участие в хозяйственной деятельности: в смысле помочь разгрузить мясные продукты, но были решительно изгнаны в кусты на край поляны так, как запашок от их шерсти исходил довольно гадостный. – Извалялись на дохлятине - таков был поставлен диагноз нашими докторами и определена профилактическая мера – гнать от стола!

Возраст и опыт Чары позволили ей временно смириться с этим неудобством, а Альма по молодости стала проявлять настырность. Пришлось доставать из рюкзака кусочек, какого-то туалетного мыла и тащить её к ближайшей луже, чтобы хорошенько вымыть. Запах мокрой шерсти в сочетании с Польской парфюмерией уже не вызывал отрицательных эмоций у охотников и эстонку оставили в покое, разрешив болтаться рядом с нами, но «рядом» было на расстоянии вытянутой руки с длинной палкой, что для неё оказалось полной неожиданностью.

На зеленой траве расстелили видавшую виды плащ-палатку, на которую мы чинно выкладывали из своих рюкзаков сваренную дома молодую картошку, хлеб, пучки лука и редиса, домашние котлеты и куски разнообразных колбас, вареные яйца, помидоры и т.д. и т.п.

Вся эта снедь лежала в художественном беспорядке и разжигала и без того мощный аппетит, а уж когда был извлечен пакет с малосольными огурчиками, и торчащими из него метелками укропа, то смотреть на эту импровизированную скатерть-самобранку спокойно уже не было ни каких сил! Судорожно глотая слюну, доктор Б спросил: «Ну, и долго еще будем чесаться, где стопарь?»

Были извлечены разнокалиберные емкости, свинчены пробки, и руки уже потянулись подставить под горлышко стаканы, как вдруг... Подобные явления всегда происходят «вдруг», так вот вдруг из-за кустов на поляну появилась и направилась в нашу сторону чужая компания, состоящая из двух охотников и одной лайки. От неожиданности мы на мгновение застыли в позах героев «Ревизора», но ненадолго.

Доктор Р. привстал навстречу шальным гостям и решительно сдвинул шапку с затылка на глаза. Об этой шапке надо сказать особо. Таких шапок в природе существует только две: одна в военно-морском музее в Питере, а другая у доктора Р.

Вспомнилась полузабытая история о том, как он стал обладателем этой шапки: то ли шапку ему торжественно вручили, когда он поднимался на корабль, то ли этой шапкой запустили ему вдогонку, когда он покидал корабль, в общем, история довольно запутанная, но шапка реально существует, и по сей день.

Так вот сдвинув шапку на глаза и зычным голосом, не предвещающим ничего хорошего незванным гостям, с расстановкой и даже на распев, он заорал: «Понаедут тут, эти, городски-е-е-е – нам, охотиться негде-е-е!» Далее он неблагозвучно прошелся по материнской линии родословной всех незванных гостей, включая и лайку.

Сказано было так ярко, образно и смачно, что гости синхронно, как на парадном плацу, сделали поворот кругом, при этом лайка на поводке развернулась практически в полете, даже не зацепив коготком землю, и заспешили назад. Я, было, прыснул от смеха, но тут же получил ощутимый толчок в бок и правильно - нельзя смеяться в такую минуту! Могут серьезно обидеться.

- Что же ты их так круто - Володя? А он уже миролюбивым будничным голосом ответил: «Так ведь мешать будут, а у нас и своих много». «Своих» действительно было многовато, а охотники все прибывали и прибывали и тут же вносили свою лепту в сервировку стола, в смысле выкладывали бутылки. Количество бутылок стало значительным и вызывало нездоровые ассоциации. В ответ на немой вопрос и выразительные взгляды на горку бутылок доктор Б глубокомысленно прояснил ситуацию: «Да не бери в голову, все будет нормально, народ посидит, отдохнет, а потом разойдется».

Возле импровизированного стола места всем сидеть уже не хватало, поэтому мы расположились - полулежа и довольно плотно, головой в центр. После нескольких тостов все молча, усиленно работали челюстями, собакам

подбрасывали кусочки, те их ловили на лету, в общем, шло самое интимное общение человека и собак с природой, как говорил великий физиолог Илья Ильич Мечников - о еде.

Вскоре выяснилось, что принесенные напитки закончились, и часть компании подалась на «базу» (охотничий домик), где остались их рюкзаки. А мы расселись возле плащ-палатки более свободно, покуривая, добродушно и мирно беседуя. Альме уже не мешали наши вытянутые ноги, и она вплотную стала подбираться к столу под вялые шиканья компании.

- Сука то молодая? - кивая на Альму, спросил у меня местный охотник, одновременно пытаясь ногой отогнать собаку. Я вежливо возразил, что у гончих собак принято даму называть выжловкой, а кавалера – выжлецом. И добавил, что собака живет дома в семье, её любят, слегка балуют, и что сейчас она не понимает, за что её пытаются ударить, ведь она только хочет получить кусочек?!

- А не х... лезть к столу! - Более определенно выразился другой охотник, так же пытаясь достать эстонку ногой, и продолжил: «Я бы свою лайку как ё... по ушам, и она больше бы не полезла». - А если мой лезет - продолжил первый собеседник, то я его пинком по я..., так он неделю не подходит. Далее последовало перечисление всевозможных мер воспитательного характера, которые применяют сельские охотники к своим собакам. Если бы наши городские домашние собаки слышали о таких методах, то волосы у них поднялись бы дыбом, и не только на голове.

Обстановка натянулась, а Альма все ни как не могла понять – почему вдруг на неё все ополчились и продолжала лезть к столу, резво увертываясь от взмахов сапог. И тут от обилия отрицательных эмоций у неё произошла «сшибка», как говорил другой великий физиолог Иван Петрович Павлов, когда в его институте во время наводнения 1924 года в Питере собаки, просидев на крышах своих будок три дня, напрочь утратили все выработанные рефлексy.

«Сшибка» выразилась в том, что эстонка, на виду у всей компании, буквально в трех шагах от нашего стола, присела и быстро справила большую нужду, как потом говорили коллеги Б и Р - с особой наглостью и цинизмом!

Публика совершенно не ожидала такого поворота событий и на мгновение под ёлкой воцарилась гнетущая пауза. Мгновение прошло, и половина компании судорожно стала шарить руками в поисках палок. - Ну, думаю всё – переломают собаке ноги! Все безобразно орало и ругались, а доктор Р при этом злобно кричал: «Вот до чего демократы страну довели, скоро собаки на голову с..ть будут!»

Положение спас доктор Б, он громко спросил: «Альма, ну и не сука ты - после этого?!» Все захохотали, бедная перепуганная собака рванула в кусты, а мне пришлось доставать припасенную на другой день бутылку, чтобы как-то загладить нашу общую вину и исправить положение. Вскоре мы с Альмой были прощены.

Смеркалось, пора было разводить костер и доставать чайные принадлежности.

Часть II. О вреде алкоголя

Недалеко от костра, на перевернутой резиновой лодке, было уложено молодое поколение и укрыто спальным мешком, мы же устроились у костра и начались воспоминания о разных случаях, имевших место на охоте. Рассказывались разные правдивые истории, истории мало вероятные и самые невероятные: о количестве сбитых одним выстрелом уток, о невероятных стойках легавых собак, о дальних выстрелах, которым мог бы позавидовать Соколиный Глаз и все современные снайперы.

Рассказывали увлеченно, образно пересыпая речь метафорами, эпитетами и сравнениями, пришлось напомнить ораторам, что негоже так материться, ведь с нами рядом подрастающее поколение. Ораторами были приведены контр доводы о том, что оно, молодое поколение, знает больше нас, и ругается не хуже! Судя по широко открытым глазам и развешенным ушам наше молодое поколение за этот вечер в полной мере, перефразируя известное изречение В.И. Ульянова, «обогастило свою память знанием всех тех богатств, которое выработало человечество» и не всё они, оказывается, знали лучше нас.

Августовские ночи холодные и через некоторое время народ обратился к медикам за профилактической помощью. Помощь в виде совета – на сегодня хватит, завтра еще целый день и ночь - была решительно отвергнута и не выдержав натиска и обвинений в нарушении клятвы Гиппократата, доктор Б признался, что на «базе», в рюкзаке у него есть записка. Несмотря не крошечную темень, отсутствие фонарей и не близкий путь, на подвиг ради товарищей вызвались два добровольца, и после получения необходимой информации о месте нахождения бутылки, быстро отправились в путь.

Меж тем у костра были прилажены котелки, и началась подготовка к чаю, была сварена картошка, были проверены ружья и другие охотничьи принадлежности, а добровольцы подозрительно долго не возвращались. По этому поводу разгорелась дискуссия, высказывались самые невероятные предположения о сложностях, поджидавших добровольцев в пути, даже приводились цитаты из классиков, на что доктор Р, со свойственным ему прагматизмом, заметил: «Выпили они бутылку и не вернутся».

Один доброволец все-таки вернулся, но вел себя очень странно. На простой вопрос: «Ну, и где бутылка?» Он долго рассказывал о трудностях в современном мире, о проблемах обувной промышленности, выпускающей плохие резиновые сапоги, о недоработках на стекольных заводах, выпускающих бракованные бутылки. Хором ему велели заткнуться и выдать бутылку.

Бутылка оказалась открытой и на половину пустой - как выражаются пессимисты. Добровольцу выразили «всеобщее порицание» и пожелание, что Господь его обязательно жестоко накажет за такой подлый поступок.

Остатки содержимого бутылки разделили по-братски и приступили к чайной церемонии, но тут случилось непредвиденное: доброволец, справедливо обнесенный виночерпием, стал топтаться у костра, извиняться перед

всеми, что-то бормотать, ругать себя последними словами и размахивать руками, в результате чего зацепил один из котелков с чаем и, пытаясь его удержать, опрокинул все котелки в костер!

Природа вздрогнула от многоголосого вопля! Уснувшие были собаки, с испугу заорали и завyli на разные голоса. За кустами на болоте закричали и захлопали крыльями утки, от костра в небо поднялся сноп искр и клубы пара, под ногами у отскочивших от костра охотников захрустели и зазвенели раздавленные миски, деревянные ложки, стаканы и пустые бутылки. Добровольцу дали пинка, и он умиротворенно улёгся спать недалеко от костра.

Несколько оправившись от этого происшествия, мы набрали из озера воды и вновь повесили котелки над огнем. Во время возникшей паузы я начал разговор о вреде неумеренного употребления алкоголя как вообще, так и на охоте в частности, меня активно поддержали коллеги и стали развивать антиалкогольную тему. Они ссылались на историю винопития на Руси, приводили поучительные примеры из своей практики, при этом доктор Б жестикулировал, держа в руке пустой стакан, которым указывал то на слушателей, то на спящего добровольца. Слушатели внимали лектору, согласно кивали и внимательно следили за стаканом.

Добровольца все единодушно осуждали.

Вода в котелках закипела, их сдвинули на перекладине и насыпали заварку, а публика полезла искать сахар, конфеты, булки и баранки. Вновь забренчали стаканы, ложки и кружки, извлекаемые из рюкзаков и собираемые с земли. На звук звянящих стаканов проснулся и тихо приподнялся доброволец, в этой суете про него как-то забыли, а напрасно: разминая и выпрямляя затекшую от неудобного лежания ногу, он пнул одну из рогулек - перекладина соскочила, и котелки вновь полетели в костер!

Чаша терпения была переполнена, всё повторилось: и вопли и лай, и вой и пар и искры до небес. Если читатель видел удирающего из под ног зайца, то он живо может представить себе - как рванул от костра доброволец!

Снова в полной темноте мы полезли через кусты за водой, снова кое-как расшевелили залитый костер и подвесили котелки. Беседовать на тему об алкоголе никто не собирался, все пришли к одному и тому же мнению, что с такого горя можно и по рюмке принять, как сосудорасширяющее для профилактики инфаркта. Дрова в запасе еще были, воды - целое озеро, а заварку буквально по крупичкам собирали из пакетов коробочек и баночек.

Побродив на значительном отдалении от костра и изрядно замерзнув, наш доброволец из темноты, почти трезвым голосом стал взывать к нашему снисхождению, чувству товарищества, к милости, на что неизменно получал мстительные отказы и даже оскорбления. Голос его становился всё жалобнее и жалобнее, при этом он сам обзывал себя самыми последними словами, а когда в запале самобичевания он дошел до извращенных ругательств, мы поняли, надо простить и согреть его, хотя бы у костра. Доктор Б крикнул: «Ладно, сегодня убивать не будем! Подходи!»

Доброволец обогрелся, напялил на себя весь запас одежды и принялся, было собирать ружьё, но бдительные товарищи ружьё у него сразу отобрали и разобрали, во избежание возможных неприятностей.

Собранный по крупичам чай был все-таки заварен в армейском котелке, учитывая горький опыт, вокруг костра были выставлены дозоры, чтобы ни одна «собака» не смогла больше нарушить процесс чаепития, два человека были поставлены для блокирования возможных происков добровольца.

Решили сначала разлить кипяток из большого котелка по кружкам, а уж потом добавлять, ставшую драгоценной, заварку. Доброволец тоже протянул кружку, куда ему налили кипяток и случайно плеснули несколько капель на его трясущуюся руку. Он взвыл, бросил кружку и естественно попал прямо на ногу разливающему, а тот уронил котелок...

Сил ругаться уже не было. Все поняли – это Рок и сопротивляться бессмысленно!

Молча, сделали по глотку заварки и молча, улеглись вокруг костра. Вскоре со всех сторон стало доноситься сопение, бормотание и легкий храп. Недалеко в кустах кто-то захрапел уже по-настоящему. Возмущенно спрашиваю: «Кто так безобразно храпит и всем мешает?» Доктор Б сквозь сон отвечает: «Это Чара». - А почему так храпит? - Старая... - Саша, а почему так громко? - слегка опешил я. - У неё аденоиды...

Вот и поговори с доктором на приеме, краткость – сестра таланта! Кто-то во время нашей беседы швырнул в кусты палку и храп сразу прекратился.

Грубо, но эффективно. Теперь спали все.

Похолодало, видимо усилился ветер, и на небе проглянули яркие перемигивающиеся августовские звезды. По приметам с утра погода должна быть ясная, что не очень радовало: утки будут летать быстро, высоко и не долго. Правда погода могла и измениться, и конечно в худшую сторону, север есть север. Оставалось ждать рассвета.

Часть III. Зорька

Где-то далеко раскатисто прозвучал выстрел, народ спросонья стал таращить глаза, а в глазах вопрос: «Неужели проспали? В кого стреляли, ведь еще в трех метрах ничего не видно! Может в лёт, а может на воде? Так и на воде не видно! Вот уроды!» - Кто-то с горя застрелился - последовала злая шутка. Спать уже не хотелось, про чай вспоминать тем более, решили потихоньку собираться и затемно расходиться по местам.

При свете костерка уложили рюкзаки, привели в порядок охотничью амуницию и снаряжение. Чара в кустах зевнула и доложила, что она к охоте готова, Альмы же поблизости не было. Ребята на лодке зашевелились, спальник приподнялся, а их головы продолжали лежать на лодке и спать. - Что за фокусы? Но тут спящие головы раздвинулись, и между ними появилась собачья морда, спала в тепле – сказывалось домашнее воспитание!

И вот все в сборе. В каком-то мстительном порыве единодушно решили не будить добровольца, пусть выспится и испытает угрызенье совести на трезвую голову!

Погрузив на лодку сына, собаку и рюкзак я тихонько поплыл в сторону заросшего высокой осокой и кустиками ивняка полуострова, который языком вползал в озеро. Очень хотелось занять место на этом языке - с него открывался достаточно удобный сектор обстрела.

Плыли, стараясь не шуметь, но все равно впереди то тут, то там слышалось хлопанье крыльев отдельных взлетающих уток. Они в темноте с криканьем низко пролетали над нашими головами, и успокаивало лишь то, что утка еще не очень пуганая и вся не разлетится, пока мы высадимся на берег. Небо на востоке слегка посерело, и видимость увеличилась на десяток метров, берег был почти рядом. Берег оказался зыбким и топким, лодку замаскировали возле кустов, сыну и собаке было предложено сесть на край лодки и не мешать, пока я подготовлю подходящее место.

Импровизированный скрадок был только обозначен, а приёмная комиссия в составе сына, собаки и тучи комаров, потревоженных в кустах, уже пожаловала. Пришлось доставать репилент и мазать всех подряд. Где-то совсем близко грохнуло два дуплета, затем ещё выстрел, ещё и началась канонада!

Кручу головой в обе стороны, судорожно сжимаю ружьё, а уток не вижу, только слышу свист крыльев. Вдруг над черной кромкой леса появляются две приближающиеся точки, вскидываю стволы и стараюсь взять нужное упреждение, одна точка увеличивается и летит прямо на меня, по телу бегут мурашки, палец дрожит на курке, а точка увеличивается и садится прямо на мушку...

- Комар - так его раз так!

Спина мокрая, руки дрожат, и слов не хватает. Кое-как закуриваю, а в это время утка, кажущаяся в темноте размером с гуся, спокойно садится на плёс метрах в тридцати от меня. Замираю, стараясь даже не моргать, начинаю медленно поднимать ружьё, и прижимаю приклад к щеке вместе с сигаретой.

- Господи! Ну, чем-же я Тебя сегодня прогневил? А утка уже вытянула шею, как бы желая лучше меня разглядеть, дергаю курки, грохот сдвоенного выстрела, звон в ушах, плечо ноет и зад мокрый – от двойной отдачи сел в жижу. Вид неподвижного белеющего живота крякаша на воде сразу успокаивает, хоть и с приключениями, а добыча есть!

Сын и Альма наперегонки бегут по топкому берегу к воде, чтобы лучше рассмотреть утку, следуют поздравления «с полем», меня распирает от гордости, уже открываю рот, чтобы произнести что-то высокопарно нравоучительное, но сын что-то говорит про мокрый зад и мой рот закрывается сам собой.

Светает, выстрелы слышны со всех сторон, уже хорошо различимые кряквы, чирки и широконоски испуганно мотаются от болота к болоту, делаю несколько удачных выстрелов влёт и ещё больше неудачных, но всё равно – зорька удалась!

Тучи успели рассеяться, блеснул первый луч солнца. Утки сбились в стайки, летают уже высоко, пальба закончилась, слышны только отдельные выстрелы и тут от воды стал подниматься туман. Туман густеет на глазах,

решаем под прикрытием тумана на «резинке» собрать трофеи. Подкачиваем лодку и собираемся с сыном плыть вдвоём, но эстонка категорически отказывается оставаться одной в торфяной жиже, она дрожит и настырно лезет в лодку.

Первую утку вытащили, удачно поддев её веслом, направляемся ко второй, и тут собака прыгает в воду и резво плывёт к добыче, ну думаю, вот теперь у нас будет настоящая помощница. А помощница нюхает утку, совершает вокруг неё круг почёта и с чувством выполненного долга пытается влезть в лодку, цепляясь острыми когтями за резиновый борт. Втаскиваем мокрую собаку за шиворот, она тут же начинает отряхиваться, теперь мокрые мы все трое.

Эмоции нас переполняют, и я торжественно клянусь, что больше никогда гончую на утиную охоту не возьму! Хотя значительно позже один из сыновей Альмы, не хуже спаниеля, увлеченно вытаскивал битых уток и гонял подранков по осоке.

Со стороны нашего бивака послышались какие-то голоса, всплески воды и стуки по дереву – видимо это проснулся наш доброволец. По чередованию этих звуков понять, что твориться на берегу совершенно невозможно, а сквозь плотную пелену тумана не то, что берега - собственного ружья не видно. Но подул легкий ветерок, туман прижался к воде, и стали видны верхушки деревьев на берегу.

Над биваком поднимался дым, и слышалась ругань, дым то усиливается и становится густым и тёмным, то облаками белого пара поднимался в небо, а ругань при этом усиливалась. Мы терялись в догадках - что же там творится, кто с кем ругается и что происходит с костром?

Вновь послышались отдельные выстрелы, и утки опять появились в небе, видимо охотники стали вытаптывать заросшие осокой лужи и бочажки. Над нашим озерцом пронеслось несколько чирков и крикв, не долетая до нас, они сворачивали в сторону костра и низко пролетали над ёлкой, но доброволец, почему-то не стрелял, а только громче ругался.

Туман окончательно рассеялся, и наступило тихое и тёплое утро, выстрелы не слышны, уточки разлетелись и попрятались на лесных лужах, у костра никого не было, и мы направились на «базу».

Компания была практически в сборе и все наперебой, и взахлёб рассказывали о своих подвигах, приключениях и, особенно о злоключениях, которых оказалось гораздо больше, чем приключений.

Прелесть правдивых охотничьих рассказов в том, что реальные события со временем начинают обрастать различными интересными подробностями, и чем отдалённее во времени события, тем более красочны подробности!

Все были с трофеями за исключением добровольца. Оказывается, он потерял возле костра цевьё от своего ружья, и все утро его искал: шляпой носил воду и заливал костёр, разгребал руками золу в поисках металлических деталей, но тщетно, а в это самое время, с его слов, утки барражировали над ним, и в полёте гадили прямо ему на голову. Конечно, этот рассказ у народа

вызвал сомнение, но мы с сыном клятвенно подтвердили, что утки летали, и, судя по ругани, возможно даже его и бомбили.

Скупые мужские слёзы проступили на лицах охотников, все понимали, что вчера, прося Кары Божьей за какие-то несчастные полбутылки, мы здорово перестарались, и тут кто-то вспомнил, что это цевьё вечером сунули в рюкзак добровольцу, чтобы оно не затерялось...

Цевьё было в рюкзаке к величайшей радости всех!

До парома добирались - кто, как мог: часть компании ушла пешком, своего сына и Альму я запихал в переполненный ЛУАЗик; а мне самому нашлось место на запасном колесе люльки мотоцикла. Ко мне на колени забралась лайка местного мотоциклиста и стала по-хозяйски умищаться. Лесовозная песчаная дорога, это не дорога в полном смысле этого слова - а направление. Чтобы не вывалиться на очередной ухабе, мы постоянно хватались друг за друга и за всё, за что возможно держаться.

Кобель бесцеремонно и видимо привычно, как будёновец в седле, сидел у меня на коленях. При этом он одной лапой упёрся в спинку сиденья, а другой, как обезьяна, вцепился в голенище сапога и периодически заглядывал мне в глаза, как бы говоря: «Всё нормально, приятель, хорошо едем!» Слегка обалдев от такого панибратства, спрашиваю у хозяина собаки: «Ты, что его из цирка взял?» А тот весело отвечает: «Он давно привык к таким поездкам, и слишком хорошо усвоил, что лучше плохо ехать 12 вёрст, чем хорошо бежать!»

2006 год